

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-238-256

Рецензия / Book Review

А.А. Вершинин*

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НА СЛОМЕ ЭПОХ

***Размышления на полях книги О.Р. Айрапетова
«История внешней политики Советского государства
в 1918–1941 годы»*****

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В рецензии рассматривается опубликованная в 2024 г. монография О.Р. Айрапетова «История внешней политики Советского государства в 1918–1941 годы», которая представляет одно из наиболее детальных на сегодняшний день исследований внешнеполитической деятельности СССР в межвоенный период. Опираясь на богатую историографию, как отечественную, так и зарубежную, и привлекая разнообразные источники, автор представляет читателю широкую палитру событий, сопровождавших появление на политической карте мира Советского Союза и его превращение в важного международного игрока. В этом процессе автор выделяет четыре этапа: 1917–1922 гг. (период Гражданской войны и интервенции), 1920-е — начало 1930-х годов (период становления советской внешней политики, отмеченный рядом международных кризисов), начало 1930-х — 1939 г. (борьба СССР против военной опасности в Европе и его участие в системе коллективной безопасности), 1939–1941 гг. (подготовка СССР к военному столкновению с Германией). Отличительной чертой рассматриваемой работы является глубокая контекстуализация реконструируемых явлений и событий. В связи с этим рецензент отмечает, что предметом исследования выступает не столько внешняя политика СССР, реализуемая Наркоматом иностранных дел, сколько его «большая стратегия», в рамках которой дипломатия играет роль лишь одного из инструментов наряду с эконо-

* Вершинин Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: averchinine@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5206-8013).

** Айрапетов О.Р. История внешней политики Советского государства в 1918–1941 годы: В 2 т. М.: Кучково поле, 2024.

мическим строительством, военным планированием и разведывательной работой. В своем труде автор выдвигает ряд новых для отечественной историографии идей, утверждая, в частности, что СССР в 1920–1930-е годы находился лишь на пути превращения в великую державу, не будучи признанным таковой на международном уровне и не имея соответствующего влияния на события в мире. Другой важной идеей является критическая оценка деятельности М.М. Литвинова на посту наркома иностранных дел. Автор рецензии солидаризируется с этим тезисом и полагает, что в течение предвоенного десятилетия советский НКВД неверно оценивал потенциал политики коллективной безопасности и возможности ее согласования с национальными интересами СССР. По мере того как это противоречие становилось очевидным, политические и аппаратные позиции М.М. Литвинова ослабевали, что в итоге привело к его отставке в 1939 г. В заключение автор рецензии отмечает, что рассматриваемый в монографии период имел определяющее значение для оформления новой российской/советской внешнеполитической стратегии, а потому заслуживает дальнейшего осмысления в рамках отечественной науки.

Ключевые слова: внешняя политика СССР, межвоенный период, Версальско-Вашингтонская система международных отношений, коллективная безопасность, М.М. Литвинов, И.В. Сталин

Для цитирования: Вершинин А.А. Внешняя политика на сломе эпох. *Размышления на полях книги О.Р. Айрапетова «История внешней политики Советского государства в 1918–1941 годы»* // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 1. С. 238–256. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-238-256.

Aleksandr A. Vershinin

FOREIGN POLICY AT THE TURN OF THE EPOCHS

Book review of ‘History of the Soviet foreign policy in 1918–1941’ by O.R. Airapetov

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

This review examines ‘History of the Soviet foreign policy in 1918–1941’, the monograph by O.R. Airapetov, published in 2024. To date, it represents one of the most detailed studies of Soviet foreign policy during the interwar period.

Building on a vast historiography, both domestic and foreign, and using a variety of sources, the author covers a wide range of issues, accompanying the emergence of the Soviet Union on the world map and its transformation into a key international actor. The author identifies four stages in this process: 1917–1922 (the period of the Civil War and Allied Intervention), 1920s — early 1930s (the formation of the Soviet foreign policy, marked by a series of international crises), early 1930s — 1939 (the USSR's struggle against the military danger in Europe and its participation in the collective security system), 1939–1941 (the preparation of the USSR for a military clash with Germany). A distinctive feature of the monograph under review is its deep contextualization of the considered phenomena and events. In this regard, the reviewer notes that the subject matter is not so much the foreign policy activities of the People's Commissariat for Foreign Affairs as the Soviet Union's 'grand strategy', embracing diplomacy as only one of the tools along with economy, military planning and intelligence work. In his work, the author airs a number of views unconventional for Russian historiography, arguing, in particular, that the USSR in the 1920s and 1930s was only underway to claim the great power status, without being recognized as such at the international level and without having a corresponding leverage on global developments. Another important idea is a critical assessment of M.M. Litvinov's activities as the People's Commissar for Foreign Affairs. The reviewer shares this opinion and argues that during the pre-war decade, the People's Commissariat for Foreign Affairs overrated the potential of the collective security policy and the possibility of its alignment with the Soviet national interests. As this contradiction became evident, M.M. Litvinov's political and administrative positions shed, which eventually led to his resignation in 1939. In conclusion, the reviewer notes that the period considered in the monograph was crucial for establishing a new Russian/Soviet foreign policy strategy, and therefore deserves further reflection within academic community.

Keywords: Soviet foreign policy, interwar period, Versailles-Washington system of international relations, collective security, Maxim Litvinov, Joseph Stalin

About the author: *Aleksandr A. Vershinin* — PhD (History), Associate Professor at the Chair of History of Russia of the XX–XXI centuries, School of History, Lomonosov Moscow State University (e-mail: averchinine@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5206-8013).

For citation: Vershinin A.A. 2025. Foreign policy at the turn of the epochs. Book review of 'History of the Soviet foreign policy in 1918–1941' by O.R. Airapetov. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 1, pp. 238–256. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-238-256. (In Russ.)

Период между Октябрьской революцией и Великой Отечественной войной стал временем складывания в России новой модели общественно-политического и экономического устройства. Проблема специфики советской государственности с точки зрения ее отношения к традиционным политическим формам и наступавшему «веку масс», ее связи с практиками зрелого модерна и их адаптации к российским условиям давно является предметом внимания историков и даже вызвала активную научную дискуссию, не закрытую по сей день¹. То же можно сказать о комплексе вопросов, связанных с формированием в Советском Союзе плановой командно-административной экономической системы, новой социальной структуры, особого культурного типа. На этом фоне природа внешней политики СССР на этапе становления советской государственности долгое время не получала достаточного осмысления.

Причина этого в целом понятна. Сюжеты, связанные с международным позиционированием Советского государства в первые 23 года его существования, в историографии и публичном дискурсе ретроспективно, как правило, рассматривались через призму Великой Отечественной войны. Событие эпических масштабов, основополагающее для всей российской истории XX в., придавало им внутреннюю связанность, выступая своего рода лейтмотивом для выстраивания объяснительных и логических цепочек. В этом духе работали и советские историки², и многие современные исследователи³. Признавая известную обоснованность подобного подхода, отметим, что он имеет свой изъян: историки не всегда проговаривают вопрос об истоках внешнеполитического целеполагания тогдашнего советского руководства, его связи с традициями *Realpolitik* и воздействия на него явлений, вызванных к жизни эпохой тотальных войн и революций.

Выход переработанного и дополненного двухтомного издания зарубежной монографии О.Р. Айрапетова, посвященной истории меж-

¹ Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модернность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

² Овсяный И.Д. Тайна, в которой война рождалась. М.: Политиздат, 1971; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1989.

³ Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? / Отв. ред. Н.А. Нарочницкая. М.: Вече, 2009; McMeekin S. Stalin's war: A new history of World War II. New York: Basic Books, 2021.

дународной деятельности Советского государства в 1918–1941 гг., возвращает историков к этой важной теме. Сам факт обращения известного специалиста по истории внешней политики Российской империи⁴ к данному сюжету говорит об авторском замысле: показать внешнюю политику СССР как часть большого нарратива, в рамках которого существует представление о фундаментальном единстве вызовов для России (независимо от характера ее социально-политического режима) во взаимоотношениях с другими государствами. Реализуя этот замысел, О.Р. Айрапетов создает масштабную панораму событий и процессов, сопровождавших появление на политической карте мира Советского государства и его первые попытки заявить о себе как о новом факторе международной жизни. По охвату событий и степени их детализации созданный труд превосходит любое из современных исследований по схожей тематике⁵.

Внешняя политика Российской империи в последние годы ее существования представляла собой политику воюющего государства, подчиненную задачам достижения победы. Революция 1917 г. в конечном счете привела к широкомасштабной Гражданской войне, в которой приняли активное участие иностранные государства и «уже не было или почти не было места для внешней политики» (т. 1, с. 14). Основная часть первого тома исследования О.Р. Айрапетова посвящена борьбе молодого Советского государства за выживание, в ходе которой международная политика была неотделима от стратегии противоборства с внешними и внутренними врагами. Важной точкой отсчета для нее стали переговоры в Брест-Литовске, завершившиеся подписанием сепаратного мира между Россией и Центральными державами 3 марта 1918 г. Их анализу автор уделяет особое внимание (т. 1, с. 48–87). Перед читателем предстает сложная

---

⁴ Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: В 4 т. М.: Кучково поле, 2017–2018.

⁵ Хормач И.А. Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой Наций в 1919–1934 гг. М.: Кучково поле, 2011; Ее же. СССР в Лиге Наций, 1934–1939 гг. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017; Магадеев И.Э. В тени Первой мировой войны: дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Аспект-пресс, 2021; Карлей М.Дж. Рискованная игра Сталина: в поисках союзников против Гитлера, 1930–1936 гг. М.: Кучково поле, 2023; Dessberg F. Le triangle impossible: Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2009; Carley M.J. Stalin's failed alliance: The struggle for collective security, 1936–1939. Toronto: University of Toronto Press, 2024.

картина реальных целей, интересов и озабоченностей договаривавшихся сторон.

Стремление немцев и их союзников навязать России мир на своих условиях было очевидно, но они испытывали на себе постоянное давление уставшего от мировой войны, голодавшего тыла. Повышая ставки на переговорах, немцы и австрийцы шли на определенный риск. Автор приводит слова фельдмаршала П. фон Гинденбурга о том, что избранная большевиками тактика затягивания переговоров в надежде на обострение социально-политической ситуации в Берлине и Вене имела свои резоны (т. 1, с. 72). В то же время советская делегация также не могла не учитывать внутренние обстоятельства. Брестские переговоры автор погружает в контекст углублявшегося в России политического кризиса: разгона Учредительного собрания, появления первых очагов антибольшевистской борьбы на юге страны, обособления Украины. Автор справедливо акцентирует украинский вопрос как ключевой для узла противоречий, связанных с Брестскими переговорами, и в известном смысле показательный с точки зрения всей истории борьбы великих держав за контроль над восточноевропейским пространством в XX в. (т. 1, с. 84, 88–94).

Брестский мир стал результатом распада старого государства и его армии. Он поставил перед большевиками проблему выработки новой модели взаимоотношений с великими державами в ситуации уже начавшейся Гражданской войны. Исследование О.Р. Айрапетова включает ее подробный очерк, где события на фронтах показаны через призму внешнего фактора, который был ключевым как для большевиков, так и для их противников из белого лагеря. Как отмечает автор, «стратегия Ленина», предполагавшая использование мировой войны между двумя империалистическими лагерями для консолидации советской власти внутри России, в конечном счете подтвердилась, но при этом «ускорила вмешательство в дела русской революции бывших уже союзников» (т. 1, с. 132).

Начиная с лета 1918 г. Советское государство находилось в фактическом состоянии войны с Антантой (т. 1, с. 153–168). «Союзники императорской России в мировой войне, — поясняет автор, — не ставили задачу ее восстановления. Вслед за победой над большевиками должно было последовать политическое переустройство пространства бывшей империи» (т. 1, с. 14) в интересах стран Запада

и их союзников. Гражданская война, во многом спровоцированная интервентами (т. 1, с. 13), обрела черты борьбы за сохранение Российского государства, где красные, носители интернационалистской идеологии, ожидавшие мировой революции, для многих неожиданно стали защитниками национальных интересов в противоположность белым, которые, желая того или нет, оказались по одну сторону баррикад с внешним врагом. Автор подробно развивает этот тезис, реконструируя историю столкновения Советской России с Польшей в 1919–1920 гг. (т. 1, с. 203–209, 319–358), в ходе которого большевики противостояли польским националистам, стремившимся при деятельной поддержке Антанты к восстановлению границ XVIII в. (т. 1, с. 16). Итогом советско-польской войны стало оформление восточных рубежей Второй Речи Посполитой, «уродливого детища Версаля» (т. 1, с. 368), политика которой «в межвоенный период продемонстрировала все слабые стороны традиционной польской фанабрии» (т. 1, с. 24).

Если на западном направлении внешняя политика Советского государства носила в основном оборонительный характер, то на юге и востоке Москва наступала. После Первой мировой войны колонии, очевидно, становились «слабым звеном империалистических держав» (т. 1, с. 27), чем не могло не воспользоваться Советское государство, вооруженное освободительной идеологией. На начало 1920-х годов пришлось время активного проникновения советской внешней политики в Азию путем сближения с Турцией, Персией, Афганистаном, налаживания связей с революционным движением в Китае (т. 1, с. 375–458). В отличие от Российской империи, которая, являясь великой державой, всё же оставалась преимущественно европейским игроком (о неудачных попытках Петербурга установить свое доминирование на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. О.Р. Айрапетов подробно пишет в другой своей работе⁶), Советское государство быстро и решительно заявило о себе как о глобальной силе.

Период становления советской внешней политики, когда она была неотделима от борьбы нового государства за выживание, завершился в начале 1920-х годов с победным для большевиков окончанием Гражданской войны. «Начинался новый период — от

---

⁶ Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М.: Алгоритм, 2015.

военно-политического бессилия страны во враждебном окружении до резкого усиления СССР и превращения его в важнейшего игрока на политическом поле Европы» (т. 1, с. 18). Продлившийся до начала 1930-х годов, этот период стал временем турбулентности, несмотря на «полосу признаний» советской власти со стороны ведущих европейских стран в 1924 г. Понятного формата взаимоотношений между Москвой и ее внешним окружением, прежде всего великими державами, создавшими и поддерживавшими послевоенный Версальский порядок, не возникло. О.Р. Айрапетов иллюстрирует этот тезис, рассматривая ход переговоров на Генуэзской конференции 1922 г.: несмотря на принципиальное согласие ключевых игроков совместно работать над восстановлением европейской экономики, выработка реальных модальностей подобного сотрудничества сталкивалась с неразрешимыми противоречиями. Даже советско-германское сближение после заключения Рапалльского договора имело ряд объективных ограничений, а сами отношения между СССР и Веймарской республикой никогда «не были идиллическими» (т. 1, с. 483).

В 1920-е годы СССР регулярно сталкивался с международными кризисами. В 1923 г. резко ухудшились советско-британские отношения (т. 1, с. 499–504), и хотя конфликт по поводу «ноты Керзона» был улажен, его первопричины сохранялись и постоянно давали о себе знать. В 1927 г. дело дошло до разрыва дипломатических отношений между Москвой и Лондоном, в советском руководстве опасались войны на два фронта: против западных соседей, поддержанных великими державами, а также на Дальнем Востоке (т. 1, с. 549–560). В 1929 г. напряженность вылилась в прямое вооруженное противостояние Красной армии и сил гоминьдановского правительства Китая вокруг Китайско-Восточной железной дороги (т. 1, с. 574–587). После возвращения к власти в Польше Ю. Пилсудского в 1926 г. обострились советско-польские отношения. Как убедительно показывает автор, свой значительный вклад в поддержание антисоветских настроений за рубежом вносила белая эмиграция (т. 1, с. 568–573). Проблема ее реального влияния на политику иностранных государств в отношении СССР еще ждет своего специального исследования.

Стабилизация на южном направлении, где укреплялись связи с Турцией, Персией и Афганистаном, ликвидировалось басмачество, в целом не позволяла нормализовать положение Советского Союза в мире и снять главные угрозы его безопасности, что ярко проде-

монстрировало начало 1930-х годов. Приход к власти в Германии нацистов и активизация японского милитаризма создали очаги военной опасности в Европе и на Дальнем Востоке. Начиная с этого момента «Версальская система была обречена, но неизвестностью оставалось то, каким станет мир после ревизии послевоенного устройства Европы» (т. 1, с. 29).

Третьему этапу развития советской внешней политики, пришедшему на 1931–1939 гг., в работе О.Р. Айрапетова уделяется особое внимание. Этот период прошел под знаком быстрого роста германского реваншизма и поисков путей противодействия ему. Проблема для Советского Союза, полагает автор, заключалась в том, что он был единственной страной, реально заинтересованной в мире и работавшей на его сохранение: «Англия и Франция склонялись к сотрудничеству с Германией, которая к тому же так явно демонстрировала свою готовность к борьбе с коммунизмом и Советской Россией» (т. 1, с. 29). При этом появление на пространстве Центральной и Восточной Европы «уродливых детищ» Версаля, к числу которых помимо Польши автор относит Румынию и Чехословакию, создавало в регионе обширную зону нестабильности, куда и были направлены агрессивные импульсы германского экспансионизма. Осознав, что поворот германской политики открывает окно возможностей для пересмотра существовавшего статус-кво, резко активизировалась на международной арене Италия, считавшая себя обделенной при дележе трофеев по итогам Первой мировой войны.

Основное внимание автора уделено ключевым международным кризисам предвоенного десятилетия. Захват Маньчжурии Японией в 1931 г. был первым актом прямого попрания принципов Лиги Наций одной из ведущих держав. Новая стратегическая ситуация на Дальнем Востоке потребовала от СССР значительного усиления своих военных возможностей в регионе, что, однако, не привело к нормализации отношений с Токио: японцы последовательно ужесточали свою политику в отношении Советского Союза (т. 1, с. 652–654). Попытка использовать механизм Лиги Наций для приостановки итальянской агрессии против Эфиопии в 1935–1936 гг. также оказалась бесплодной. В Лондоне и Париже решили канализировать итальянский реваншизм на периферию, чем фактически развязали руки Риму для разгрома эфиопской армии и оккупации страны (т. 2, с. 149–159). Их пассивность в марте 1936 г., за которой скрывалась

то ли слабость, то ли осознанное решение, позволила А. Гитлеру без противодействия занять демилитаризованную Рейнскую зону. Как показывает О.Р. Айрапетов, Великобритания в значительной степени симпатизировала курсу А. Гитлера на международной арене, что проявилось в характере той политики умиротворения, которую с 1937 г. реализовывал кабинет Н. Чемберлена. Набирал популярность и британский фашизм (т. 2, с. 236–255).

Особый интерес автора связан с историей гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.: соответствующие главы монографии представляют собой полноценный обзор конфликта, реконструируют его причины, цели сторон и детально описывают ход боевых действий на важнейших этапах борьбы (т. 2, с. 156–215). Как отмечается в работе, франкистский мятеж стал возможен именно благодаря внешнеполитическим успехам Германии и Италии: путчисты не скрывали, что ориентируются на фашистскую общественно-политическую модель и собираются выступать единым фронтом с А. Гитлером и Б. Муссолини (т. 1, с. 29–30). Как и в случае с Эфиопией, их победа оказалась результатом невмешательства западных держав в конфликт. Паралич Лиги Наций и бездействие гарантов международного статус-кво открыли путь для прямой агрессии Японии против Китая летом 1937 г. (т. 2, с. 328–334) и аншлюса Австрии в марте 1938 г. (т. 2, с. 255–271). Европа быстрыми темпами фашизировалась, а государства второго эшелона всё увереннее включались в германскую игру. Наиболее амбициозные планы в этой связи вынашивала Польша, которая, как показывает О.Р. Айрапетов, начиная с заключения двустороннего соглашения о ненападении в январе 1934 г. выступала как фактический партнер Берлина (т. 2, с. 267–268).

Венцом политики умиротворения, суть которой автор видит в попытке объединить Европу на антисоветской основе за счет крупных уступок А. Гитлеру, стал Чехословацкий кризис 1938 г. Анализ его предпосылок, хода и последствий во втором томе монографии посвящено почти 100 страниц (т. 2, с. 271–302, 366–434). Автор подробно описывает суть Судетского вопроса как внутривосточной проблемы межвоенной Чехословакии, обосновывая свой тезис о том, что предпосылки его перерастания в международный кризис были созданы самой Прагой, которая в течение многих лет проводила дискриминационную политику в отношении немецкого этнического меньшинства (т. 2, с. 120–135) и при этом имела откровенно враждеб-

ные или недоброжелательные отношения со всеми соседями. А. Гитлер фактически воспользовался сложившейся ситуацией, увидев в Чехословакии слабое звено в цепи новых государств Центральной и Восточной Европы и догадавшись, что державы — хранительницы Версальского статус-кво не решатся на прямую поддержку Праги. Его расчет оказался точным.

Как отмечает О.Р. Айрапетов, «семь месяцев между сентябрем 1938 г. и мартом 1939 г. <...> почти окончательно уверили руководство СССР в бессмысленности надежд на создание системы коллективной безопасности в Европе» (т. 1, с. 31). Лондон и Париж, испытав шок от захвата остатков Чехословакии в марте 1939 г., начинали с растущей озабоченностью наблюдать за действиями А. Гитлера на польском направлении, но при этом по-прежнему проводили явно двусмысленную политику в отношении Советского Союза. Англо-франко-советские политические и военные переговоры апреля–августа 1939 г. вскрыли все противоречия, накопившиеся между Москвой и западными столицами за предвоенное десятилетие. «Предложения, которые делались Лондоном, не были прозрачны»: речь шла о том, чтобы выступить с рядом публичных заявлений и подписать соглашение, не предусматривавшее реального военно-политического сотрудничества. Всё говорило о том, что британцы и французы не собирались «отказаться от мюнхенского курса и сотрудничать с СССР» (т. 2, с. 437). В то же время Берлин в попытках изолировать Польшу начал активно искать взаимопонимания с Москвой, чему немало способствовала «постоянно враждебная по отношению к Советскому Союзу политика самой Польши» (т. 2, с. 460). На этом фоне эскалация на Дальнем Востоке, где в мае–августе 1939 г. развернулись масштабные сражения между Красной армией и японскими войсками, заставляла Кремль окончательно отбросить химеры коллективной безопасности в пользу стратегического решения «принять предложение немцев заключить договор о ненападении», сняв угрозу вооруженного конфликта на два фронта и направив «огонь войны в сторону ее разжигателей» (т. 1, с. 33).

Последний период, исследуемый в монографии О.Р. Айрапетова, совпадает с началом Второй мировой войны до нападения Германии на Советский Союз (1939–1941). Главной целью советской внешней политики в то время было сохранение нейтралитета страны в начавшейся войне, а также укрепление ее стратегического положения.

Решить эти задачи было нелегко. Берлин, с одной стороны, рассматривал возможность превращения Москвы в своего младшего союзника, а с другой — с июля 1940 г. планировал широкомасштабное нападение на СССР в целях установления своего контроля над Европой, что должно было открыть путь к примирению Германии и Великобритании на условиях А. Гитлера (т. 2, с. 660–667). В то же время в Париже и Лондоне вынашивали планы нанесения удара по Советскому Союзу. В Кремле осознавали неизбежность скорого столкновения с внешним врагом: опережающими темпами укреплялась Красная армия, по периметру границ ликвидировались плацдармы для потенциального вторжения, дипломатия активно зондировала германские намерения и обеспечивала японский нейтралитет. Как отмечает автор, «весной 1941 г. советская сторона надеялась, что ей удастся оттянуть начало войны на более поздний срок и максимально использовать оттяжку для перевооружения армии и подготовки» (т. 2, с. 43). Однако начавшаяся Великая Отечественная война вновь привела к тому, что внешняя политика Советского государства совпала с его стратегией: всё было подчинено главной задаче достижения победы.

Верный базовому принципу своей исследовательской работы — «исторический факт должен анализироваться в его контексте» (т. 1, с. 43), О.Р. Айрапетов предлагает читателю подробный нарратив с высокой степенью плотности конкретного фактического материала. Речь идет не просто о реконструкции деятельности Наркомата иностранных дел как инстанции, ответственной за реализацию курса страны на международной арене. Автор исходит из того, что дипломатия — это лишь один из аспектов внешнеполитического позиционирования Советского Союза. Не менее важны для него экономическое строительство и военное планирование. Следование этой установке отличает рассматриваемую монографию от других трудов, которые при всей своей фундированности не содержат комплексного взгляда на проблему формирования советской стратегии⁷. Между тем применительно к анализируемому периоду необходимо говорить именно о стратегическом целеполагании военно-политического руководства СССР, которое, как справедливо утверждается в исследовании, всегда трактовало внешнюю политику с точки зре-

---

⁷ Карлей М.Дж. Указ. соч.

ния перспективы войны — идущей или неизбежной в ближайшем будущем.

Контекстуализация важна для автора и еще в одном смысле: его внимание обращено на место Советского государства в мире, что делает необходимым глубокое изучение общего событийного фона эпохи. Монография О.Р. Айрапетова представляет собой попытку глубокого анализа Версальско-Вашингтонской системы международных отношений с выделением ее основных центров, узловых проблем и противоречий. Отдельное повествование посвящено ее периферии, которая для историков часто остается в тени взаимоотношений «грандов», не переставая при этом играть важнейшую роль в формировании общей структуры мирового порядка. Автор наглядно иллюстрирует последний тезис, разбирая перипетии становления новых государств Ближнего Востока, вникая в процесс реформатирования политического пространства Центральной Азии, детально рассматривая особенности дальневосточной политики. О.Р. Айрапетов убедительно доказывает, что без понимания генезиса государственности народов Центральной и Восточной Европы остается неясной суть их взаимоотношений с соседями вообще и с Советским Союзом в частности. Тот факт, что внешняя политика неотделима от внутренней, иллюстрируется и на примере великих держав: Великобритании, Франции, Японии.

В своей работе О.Р. Айрапетов опирается на ряд новых для отечественной историографии идей. Центральная из них — тезис о том, что «вплоть до осени 1939 г. СССР не был решающей силой для политических процессов, которые шли в мире, созданном после окончания Первой мировой войны в Версале» (т. 1, с. 18), иными словами, не являлся великой державой. Несмотря на то что российскому читателю подобное утверждение может показаться спорным, многие современники событий придерживались именно этой точки зрения. В 1925 г. в меморандуме для главы Форин Офис британский дипломат Г. Николсон писал: «Правда заключается в том, что чувство неуверенности, подрывающее благополучие Западной Европы, в немалой степени вызвано исчезновением России в качестве державы, участвующей в Европейском концерте»⁸. Взгляд на проблему с этого ракурса объясняет многое: отношение Запада к Советскому

---

⁸Цит. по: Haslam J. The spectre of war: International communism and the origins of World War II. Princeton: Princeton University Press, 2021. P. 79.

государству как к сугубо деструктивной силе на международной арене, невозможность вписать его в рамки понятных европейцам и американцам форматов межгосударственного взаимодействия, характер внешнеполитического поведения самой Москвы, которой приходилось действовать в исключительно неблагоприятной, непредсказуемой среде, а потому — сохранять особую осторожность и страховать все возможные риски.

В этой связи встает вопрос о сути того курса, который с начала 1930-х годов проводил нарком иностранных дел М.М. Литвинов. Рассматривая его, автор делает важный вывод: «Политика, осуществляемая Литвиновым, завершилась внешнеполитической изоляцией и угрозой войны на два фронта против коалиции держав во главе с Германией и Японией» (т. 1, с. 31). Подобное утверждение также идет вразрез с традицией, устоявшейся в отечественной историографии, где литвиновскую политику, как правило, оценивают положительно, возлагая ответственность за итоговую неудачу проекта коллективной безопасности на западные державы⁹. Зарубежные историки зачастую склоняются к точке зрения, что последовательной реализации предложений М.М. Литвинова препятствовала двусмысленная позиция политического руководства СССР во главе со И.В. Сталиным, и в этой связи пытаются возложить на Москву ответственность за провал попыток сдерживания германского реваншизма¹⁰. Тезис о том, что сама идея коллективной безопасности, воспринятая М.М. Литвиновым, была изначально нереализуемой, и следование ей водило советскую дипломатию по замкнутому кругу, до сих пор не получил развития в литературе. Выводы, к которым приходит О.Р. Айрапетов, порождают рефлексию, на которой хотелось бы специально остановиться.

Сталинское восприятие международных отношений формировалось под воздействием двух факторов: влияния марксистско-ленинского идеологического канона, который постулировал имманентную конфликтность мировой политики и непримиримость противоречий между социализмом и империализмом, а также собственного опыта большевиков, сразу после прихода к власти столкнувшихся с консолидированным вооруженным противодействием всех вели-

---

⁹ Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 304–305.

¹⁰ См. подробнее: Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа. 1930–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2009. С. 231–276.

ких держав и их клиентов по периметру границ бывшей Российской империи. Подобный взгляд на мир логически предполагал новую войну в качестве неизбежного исхода развития международного процесса¹¹.

В то же время войну как магистральную перспективу не следует отождествлять с войной как конкретной угрозой. Лишь во втором случае внешняя политика подчиняется задачам военной стратегии, как это могли видеть сами большевики в годы Гражданской войны. Вне контекста непосредственного военного планирования, когда дипломаты замолкают и начинают говорить пушки, внешнеполитическая деятельность обладает определенной ведомственной и даже политической автономией. При том что в советской системе принятия решений высшее руководство страны традиционно сохраняло за собой последнее слово в международных делах, даже при В.И. Ленине НКВД пытался формулировать собственную повестку в весьма важных вопросах. И.В. Сталин, занявшись в начале 1930-х годов вопросами социально-экономической реконструкции страны и консолидации своей власти, вероятно, осознанно поручил внешнеполитический фронт М.М. Литвинову — человеку, во многом не схожему с вождем по мировоззрению, но хорошему дипломату и эффективному администратору¹².

При этом М.М. Литвинов действовал в определенных рамках. Уроки первых лет советской власти, подкрепленные ленинской теорией империализма, говорили о том, что капиталистический лагерь консолидирован, когда речь заходит о прямом противостоянии социализму, но в остальном, как правило, хронически разобщен, разделен неразрешимыми внутренними противоречиями. Самым неблагоприятным сценарием для Москвы оставалось повторение ситуации 1919–1920 гг., когда объединенный Запад, опираясь на лимитрофные государства и внутрироссийскую вооруженную оппозицию большевикам, поставил под угрозу будущее советской власти. Из этих опасений вытекала главная задача для НКВД — маневрировать между основными международными игроками и блоками, не допуская их объединения, которое не могло не вы-

---

¹¹ Pons S. Stalin and the inevitable war, 1936–1941. London; Portland: Frank Cass Publishers, 2002. P. 1–4.

¹² Haslam J. Litvinov, Stalin and the road not taken // Soviet foreign policy, 1917–1991: A retrospective / Ed. by G. Gorodetsky. London; Portland: Cass, 1994. P. 55–61.

ступать как антисоветское. На протяжении 1920-х годов эта задача реализовывалась за счет советско-германского сотрудничества. С изменением политики Берлина в начале 1930-х годов на повестку дня вышла другая задача — контролируемое сближение с Западом и созданными под его эгидой институтами.

Иными словами, интеграция СССР в систему коллективной безопасности никогда не мыслилась в Кремле как самоцель. Следует учитывать и то обстоятельство, что у советского руководства не было оснований доверять британцам и французам больше, чем немцам. Антикоммунизм А. Гитлера вполне соответствовал настроениям британских и французских элит, причем первые, как показывает О.Р. Айрапетов, разделяли ряд положений нацистской идеологии. И.В. Сталин, как точно отметил российский историк М.М. Наринский, исходил «не из приверженности идее коллективной безопасности как таковой, а из национально-государственных интересов СССР»¹³. Задачей М.М. Литвинова было сохранение баланса между сближением с Западом, актуализированным международной конъюнктурой, и базовыми установками советской внешней политики, которые предполагали прежде всего сохранение у Москвы свободы рук.

Основным противоречием советской внешней политики 1930-х годов, вероятно, было стремление НКВД развить это движение навстречу Западу за пределы обозначенных рамок, пойдя на качественную перестройку взаимоотношений с Великобританией, Францией и США. Политика коллективной безопасности, которую И.В. Сталин за глаза называл «лигонацовским навозом»¹⁴, для М.М. Литвинова и его сотрудников представляла собой суть самого международного позиционирования СССР. Достигнутый на сегодня в историографии уровень представлений о роли НКВД и лично его руководителя в системе принятия внешнеполитических решений в Советском Союзе в предвоенное десятилетие не позволяет утверждать это с точностью, но стойкая приверженность наркома линии на соглашение с западными великими державами вопреки всем ограничениям не вызывает сомнений.

---

¹³ Цит. по: Наринский М.М. Отношения между СССР и Францией. 1933–1937 год // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы: Сборник научных статей / Отв. ред. М.М. Наринский. М.: МГИМО(У) МИД России, 2003. С. 70–71.

¹⁴ Сталин и Каганович. Переписка, 1931–1936. М.: РОССПЭН, 2001. С. 564.

Историкам еще предстоит выяснить, чем для самого М.М. Литвинова являлась коллективная безопасность. Можно предположить, что ее философия, в основе своей универалистская и пацифистская, стояла для него не на первом плане. Как показал Эфиопский кризис 1935–1936 гг., приоритетом для наркома оставалось сохранение взаимопонимания с «грандами» в лице Великобритании и Франции, ради чего он был готов формально соблюсти процедуру Лиги Наций, фактически поступившись ее духом¹⁵. Уже тогда подобная позиция вызывала нарекания со стороны И.В. Сталина. М.М. Литвинов, очевидно, стремился к полноправному участию СССР в мировой «директории» великих держав вопреки явно выраженному отказу западников не только считать Москву потенциальным членом мирового клуба, но даже учитывать ее национальные интересы в ходе переговоров о недопущении войны в Европе. В тех случаях, когда подобное их отношение наглядно проявлялось, как, например, в ходе Чехословацкого кризиса 1938 г., нарком мог реагировать достаточно жестко, однако его магистральный курс оставался неизменным.

М.М. Литвинов во главе НКВД был ценен как специалист по взаимодействию с западными странами, человек, пользовавшийся авторитетом в Париже, Лондоне, Вашингтоне, Женеве¹⁶. Но реализуемая им политика интеграции в систему коллективной безопасности получала одобрение руководства страны ровно до тех пор, пока в Кремле не убедились, что она не только не позволяет контролировать военные угрозы в Европе, но и ведет к изоляции СССР: уже Мюнхен представлял собой новый формат решения международных проблем путем прямой сделки между великими державами без учета Устава Лиги Наций. Мировая «директория» действительно складывалась, но Москву не собирались включать в ее состав. И.В. Сталин мог истолковать это единственным образом: на горизонте возникала перспектива новой антисоветской коалиции, и литвиновская политика открытости лишь обезоруживала Советский Союз перед ее лицом.

Судьба наркома оказалась в прямой зависимости от того, насколько уверенно Великобритания и Франция пересматривали свои установки на фоне открытой агрессии А. Гитлера с марта 1939 г. В се-

---

¹⁵ См. подробнее: Haslam J. The Soviet Union and the struggle for collective security in Europe, 1933–39. New York: St. Martin's Press, 1984. P. 60–79.

¹⁶ Дюллен С. Указ. соч. С. 17–26.

редине апреля, отдавая себе полный отчет в том, что стоит на кону, М.М. Литвинов предложил И.В. Сталину проект трехстороннего соглашения, которое представляло собой очередную гарантийную комбинацию в духе Восточного пакта 1934–1935 гг. Судя по всему, нарком был склонен согласиться с мнением западных дипломатов (ошибочным, как вполне понятно сегодня) о том, что остановить А. Гитлера способна демонстрация реальной готовности «миролюбивых государств» противостоять ему силой оружия. И.В. Сталин уже не разделял подобных иллюзий. Его отказ рассматривать поданную НКВД схему недвусмысленно говорил о том, что в коллективную безопасность в Москве больше не верили. Под пером советского лидера литвиновский проект превратился в эскиз полноценного военного союза, который и был направлен в Лондон¹⁷. Форин Офис ушел от практического обсуждения советского плана, чем решил участь М.М. Литвинова, который 3 мая 1939 г. был отправлен в отставку. Сам факт замены руководства НКВД и появления во главе советской дипломатии В.М. Молотова — человека, который не собирался вести переговоры в духе женеvских ассамблей, должен был отрезвляюще подействовать на британцев и французов. Однако Запад упорно отказывался от разговора на языке стратегии — единственно целесообразном в ситуации уже неизбежной войны. Последствия этого хорошо известны.

Рассматриваемый О.Р. Айрапетовым временной отрезок — это период «расплавленной государственности»¹⁸. В своей истории Россия уже проходила через подобные этапы. Каждый раз они сопровождались формированием не только новой внешнеполитической повестки, но и выработкой особого стратегического стиля. Пришедшие в 1917 г. к власти большевики не были носителями какой-либо управленческой традиции. Аппарат ведомств, ответственных за международное направление, конкретные практики работы, восприятие отдельных стран и мирового пейзажа как такового складывались не в одночасье. К тому же сам мир эпохи «восставших масс» быстро менялся. Прежняя *Realpolitik* не отражала всех его метаморфоз. Как по другому поводу замечает автор, цитируя В.В. Шульгина, «реальная политика», конечно, вещь хорошая, но

¹⁷ См. подробнее: Resis A. The fall of Litvinov: Harbinger of the German-Soviet non-aggression pact // *Europe-Asia Studies*. 2000. Vol. 52. No. 1. P. 33–56.

¹⁸ Борисов Н.С. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 47.

какая она обманчивая: никогда не знаешь, что же на самом деле реально» (т. 1, с. 179).

В ситуации смещения всех ориентиров идеология играла роль компаса. У большевиков при всем их догматизме он был настроен точнее, чем у лидеров западных держав. Высшее руководство Советского государства, переняв ключевые элементы традиционного российского стратегического целеполагания, адаптировало их к условиям новой эпохи. Горизонты его внешней политики становились в полном смысле слова глобальными. «Москва, — писал в 1924 г. тогдашний нарком иностранных дел Г.В. Чичерин, — имеет все-таки маленькое достоинство. Она не теряет из виду историческую перспективу»¹⁹. Именно эту перспективу, очерчивая ранние контуры советской *Weltpolitik*, и представляет нам О.Р. Айрапетов, чье исследование, без сомнения, намечает пути дальнейшего развития одной из ключевых тем отечественной истории.

Статья поступила в редакцию 02.01.2025;
одобрена после рецензирования 20.02.2025;
принята к публикации 19.03.2025

The paper was submitted 02.01.2025;
approved after reviewing 20.02.2025;
accepted for publication 19.03.2025

---

¹⁹ Цит. по: Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 3. / Гл. ред. И.С. Иванов. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 333.